

Дэн ШОРИН БОЛЬШОЙ КОСМОС

@ЭЛИТА

18+

Дэн Шорин
Большой космос (сборник)

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Шорин Д.

Большой космос (сборник) / Д. Шорин — Электронное издательство "Аэлита", 2013

Сборник «Большой Космос» Дэна Шорина – масштабное полотно Вселенной, раскрытое в двенадцати отдельных сюжетах. Одиннадцать рассказов и большая повесть «По эту сторону Стикса» показывают величие макрокосмоса будущего и микрокосмоса души, каждый раз под новым, неожиданным углом. Целая палитра чувств, идей, сюжетных интриг и настроений – от драматичного до смешного. Сюжеты некоторых историй, например, «Звёзды для дочки», «Коты не умеют улыбаться» и «Юзабилити», пересекаются между собой, другие отдельны, но все они – замечательные образцы космической и научной фантастики.

© Шорин Д., 2013
© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

Звёзды для дочки	5
Коты не умеют улыбаться	14
Юзабилити	24
По эту сторону Стикса	32
1	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дэн Шорин

Большой космос (сборник)

Звёзды для дочки

– Папа, а космос – это далеко?

Мы гуляем по парку, и маленькая Инга смотрит на меня влюблёнными глазами. Наташа идёт рядом, по выражению лица я понимаю, что она не разделяет щенячьего восторга дочери.

– Космос начинается вот тут, дочка, – я хлопаю себя по груди.

– Папа, я хочу в космос!

Поднимаю её на руки и заглядываю в карие глазёнки.

– Если человек к чему-то всю жизнь стремится, рано или поздно он к этому придёт. Даже если для этого придётся перешагнуть через вселенную.

Наташа недовольно бурчит за спиной. Насколько я знаю, сейчас она больше всего на свете хочет отобрать у меня дочку и крикнуть, чтобы я замолчал. Но в органах ей это, конечно, запретили. Они всё ещё пытаются получить секрет Нуль-Т. Людям порой трудно понять самые простые вещи, они всегда пытаются искать секреты там, где их нет. А для меня многие тайны перестали быть тайнами. После Ветрянки.

– Максим, пожалуйста, не пудри дочери мозги. Инга, девочка, папа шутит.

Наташа совершенно не умеет мечтать. Она никогда в жизни не смотрела в небо.

– Мама, смотри, звёзды совсем рядом!

– Максим, отпусти Ингу!

Чаша терпения Наташи переполняется. Сейчас ей плевать на особистов, плевать на всю вселенную. Есть её ребёнок, и есть безответственный отец этого ребёнка, который уже не совсем человек и который хочет сделать драгоценному ребёнку что-то непонятное – но обязательно плохое.

– Мама, но почему? – хнычет Инга.

– Девочка, мама не видит звёзды, – отвечаю я.

– Она слепая? – девочка доверчиво смотрит на меня.

– Нет, дочка, она домашняя.

Наташа забирает у меня Ингу и крепко прижимает к себе.

– Инга, не верь ему, твой папа плохой... человек, – на слове «человек» Наташа делает едва заметную паузу.

– Зато он хороший папа! – заявляет маленькая проказница. – Мама, знаешь, когда я вырасту, я ни за что не буду домашней.

– Максим, что ты делаешь с Ингой? – произносит Наташа назидательно-официально.

– Он меня взрослеет! – отвечает девочка.

Наташа фырчит, а я поднимаю взгляд в небеса. Нахожу взглядом Сириус и делаю шаг через бездну.

Он подошёл, когда я через прозрачный купол старбара наблюдал восход Сириуса. Валера всегда находит меня, не знаю, как это у него получается. Думаю, ему помогает кто-то из наших. Впрочем, Валера ни разу не подтвердил это мнение. Как и не опроверг.

– Красиво, не правда ли?

– Здравствуй, здравствуй, – прячу улыбку я. – Как дела?

– В личной жизни или в институте?

– Могу поспорить, что личной жизни у тебя до сих пор нет. Ты трудоголик, Валера, а женщинам нужно иногда уделять время.

– Когда-нибудь найдётся та, которая сможет принять меня таким, какой я есть, – улыбается Валера.

– И говорить вы с ней будете исключительно о квантовой физике, – сообщаю другу я.

– Говорить мы с ней будем о жизни. Знаешь, Максим, жизнь нечто большее, чем пришёл-ушёл-вернулся, даже если каждый твой шаг длиной с десяток световых лет. Вот ты о Наташе подумал?

Натянуто улыбаюсь. Ну и кто тянул меня за язык начинать разговор о личной жизни? В некоторых вещах Валера просто невозможен.

– А как дела в институте? – без тени смущения спрашиваю я.

Будь на месте Валеры кто угодно другой, мой финт просто не прошёл бы. Но для Валеры работа – все, он представить себе не может, что я уйду от неприятной темы.

– По-прежнему. Все говорят про колоссальные достижения института пространства и времени, но успехи пока остаются только на бумаге.

– Сегодня все открытия делаются на бумаге, – тяжело вздыхаю. – Времена учёных-одиночек ушли со смертью Альберта.

– Согласен, – Валера долго смотрит сквозь выпуклое стекло купола на медленно выходящий из-за горизонта слепящий диск. – А знаешь, мы почти поняли, как вы ходите.

– Расскажи-расскажи, – я с интересом смотрю на Валеру.

– Электромагнитные поля. Сложная модуляция, способная к созданию информационного двойника. А так как при переходе нарушается закон сохранения энергии, то оригинал просто исчезает, а копия возникает на новом месте.

– Эксперимент «Филадельфия»? – я вежливо улыбаюсь. – По-моему, давно доказано, что это умная мистификация.

Валера смущённо кашляет. Я прекрасно понимаю его. Человечество слишком долго обманывали, и теперь люди не верят простым решениям. Бывает.

К нам подходит официант. Местный. Человек.

– Что изволите? – спрашивает он.

– Дежурное блюдо, – заказывает Валера.

– А мне графин воды, – я вежливо улыбаюсь официанту. И когда он отходит, медленно сообщаю Валере:

– Он из безопасности.

– С чего ты взял?

– Знаю.

Валера задумчиво смотрит на восход.

– Всё-таки многое вам дала Ветрянка. Гораздо больше, чем человек может выдержать.

– Не Ветрянка нас научила этому знанию. Земля.

– Земля? – он недоверчиво улыбается.

– Знаешь, сколько раз меня пытались убить?

– Может, это иммунная система человечества?

– Обычная ксенофобия.

Официант приносит заказ. Из тарелки Валеры вкусно пахнет ванилью и какими-то пряностями. Наливаю воды в стакан и залпом выпиваю.

– Чего ему надо? – спрашивает Валера, торопливо жуя.

– Нуль-Т, – отвечаю я. – Новая игрушка для человечества. Не думаю, что он здесь, чтобы причинить мне вред. Просто шпионит. Космическая безопасность наконец-то поняла, что сами они Нуль-Т не откроют.

– Максим, расскажи о Ветрянке, – просит Валера.

- Что тебе рассказать? Про Источник писали во всех газетах...
- Нет, расскажи с самого начала. Я хочу понять вашу мотивацию.
- Мотивацию? – задумчиво гляжу на Валеру.
- Мотивацию, – повторяет он.
- Ладно, слушай.

Первый раз о Ветрянке люди услышали три года назад. «Титан» в тот раз возвращался на полутора тысячах световых со стороны Ядра. Настроение было хорошее, мы открыли три пригодные к терраформированию планеты, а впереди маячил двухгодичный отпуск. Я постоянно торчал на камбузе, пытаюсь снять антиалкогольную защиту с синтезатора. Всей команде до чёртиков надоел отдающий хвоей самогон, перегоняемый Лыскиным у себя в генераторной, а синтезатор на камбузе был способен выдавать даже марочные вина. Вот только между этой эстетикой и экипажем стоял код, поставленный капитаном Юдиным, убеждённым трезвенником и тираном. Согласно теории вероятности, поставленная передо мной задача не имела решения. Пятьдесят триллионов вариантов – это вам не фунт изюма. На практике, вероятно, тоже. Только меня что-то дёрнуло поспорить с Димкой Аковым, что я этот код сделаю. Наверное, причиной столь опрометчивого заявления был пятый или шестой стакан самогона; впрочем, о мотивах импульсивных поступков я задумывался крайне редко.

Сначала подобрать код мне показалось занятием плёвым. Когда дни рождения кэпа, его жены, тещи и старшего сына во всех формах синтезатор принять отказался, я призадумался. Человеческий разум не может охватить пятьдесят миллиардов абстрактных чисел. От силы – несколько тысяч. Только как определить нужную мне комбинацию? Я курил прямо на камбузе, благо Санька Норкин благополучно забил на обязанности кока и целыми днями торчал у себя на каюте, проводя досуг за изучением порнодисков. Скорее всего, я бы переиграл Юдина. У меня тогда был и стимул, и необходимая квалификация, и, как я думал, масса свободного времени. Но судьба распорядилась иначе. Мои потуги прервал противный зуммер.

Сам по себе сигнал маршевой тревоги чем-то экстраординарным не является. Галактика похожа на большую свалку, в которой временами встречается самый неожиданный мусор. Когда этот мусор оказывается на пути «Титана», Юдин включает маршевые двигатели. И корабль слегка подправляет траекторию, избегая нежелательной встречи. Но моё счастливое неведение длилось всего несколько секунд. До того, как я посмотрел на пейджер и зафиксировал плановый промежуток работы маршевых двигателей. Полтора часа. При нашем ускорении за это время можно повернуть под прямым углом. Или обогнуть без потери скорости чёрную дыру среднего класса.

В рубку я влетел, ровно через три минуты, пренебрегая всеми правилами безопасности. Кроме Юдина здесь сидели особист Симагин и бортмеханик Димка Аков.

– Что за фигня происходит? – от души рявкнул я.

– Сядь в компенсатор, – спокойно сказал Юдин и повернулся ко мне. – Через две минуты включатся маршевые, а кататься по полу во время ускорения достаточно некомфортно.

Я уселся в эластичное кресло гравикомпенсатора и застегнул ремень.

– Ну а теперь мне кто-нибудь объяснит, что случилось? Вы что, чёрную дыру нашли на занесённом во всех лощи маршрут?

– Не дыру. Планету, – коротко сказал Симагин.

– Ерунда. Откуда здесь взяться планете? Хочешь, я тебе докажу, что всё это чушь. Во-первых, пять месяцев назад приведённым курсом шёл «Альбатрос». Никакой планеты он, разумеется, не нашёл. Во-вторых, чтобы обогнуть по оптимальной траектории планету, достаточно включить маршевые ровно на пять минут. В-третьих, во время проведения штатной корректировки курса присутствие бортмеханика в рубке управления не предполагается.

– Присутствие виртуальщика – тоже, – буркнул Дима.

– А ты посмотри показания приборов, – посоветовал мне Юдин. – А потом делай выводы. Я надел шлем и считал информацию с корабельного компьютера. Планета была. Без звезды, без спутников. Просто блуждающая планета. А ещё в ней имела́сь какая-то странность. Я не смог сразу понять, в чём дело, но, определённо, что-то здесь было не так.

– Объясните, что происходит, – спросил я.

– Нет, это ты объясни нам, что видишь, – сказал Симагин. – Ты виртуальщик или где?

– В двенадцати градусах относительно курса фиксирую блуждающую планету земного типа. Корректировать курс не вижу необходимости, мы проходим мимо.

Словно в ответ на мои слова включились маршевые двигатели, и компенсатор со свистом принял мой возросший вес.

– Расскажи нам подробнее про эту планету, – попросил Юдин.

– Планета земного типа, размером с Марс. Гравитация на поверхности 0,8 же. Атмосфера по плотности близка к земной. По составу ничего сказать не могу, нужно посылать зонд. Температура поверхности около двухсот пятидесяти Кельвин. Атмосферное давление...

– Как ты думаешь, что может поддерживать такую температуру на поверхности планеты, у которой нет звезды? – бесцеремонно прервал меня Юдин.

– Внутренние тектонические процессы? – ляпнул я.

– Чушь, – возразил Юдин. – Источник внешней энергии всё равно нужен.

– Ядерный синтез внутри планеты? Масса маловата. Холодный термояд? Считается, что в естественных условиях он невозможен. Единственное объяснение – тектонические процессы. Но хорошо бы посмотреть на это поближе.

– Вот мы и летим посмотреть на это поближе, – ответил Юдин. – Эта планета может оказаться самым громким открытием века.

Капитан как в воду тогда глядел. Ветрянка стала эпохальным событием. А ещё судьбой. Говорят, человек сам делает свою судьбу. Я пытался. Не получилось. Мою судьбу сделала Ветрянка. Впрочем, это справедливо для всего человечества.

Валера тем временем переводит взгляд за окно. Сириус будто передумал подниматься из-за горизонта и сейчас медленно отползает назад. Для Валеры это в диковинку. Не удивлюсь, если он это сугубо астрономическое явление припишет моим происка́м. Что делать, если сочетание вращения планеты вокруг своей оси, в совокупности с замысловатой орбитой второго спутника временами дают столь незабываемое зрелище. Моей вины здесь нет никакой, я просто люблю смотреть на Сириус. В такие минуты мне кажется, что необратимых поступков в этой вселенной не бывает.

– Откуда она взялась? – Валера переводит взгляд на меня.

– Кто? – теряюсь я.

– Ветрянка. Ты же говорил, что «Альбатрос» её не обнаружил.

– Может быть, плохо смотрели, – равнодушно замечаю я. – Может быть, она появилась там за эти пять месяцев. Не суть важно.

– Ты что не понимаешь, это же контакт! – Валера в замешательстве.

– Ну да, люди не одиноки во вселенной, есть кто-то ещё, старший брат, который будет нас опекать, прогрессорствовать. Ерунда это всё! Ветрянка суть зеркало. Мы увидели там всего лишь своё отражение. И перепугались.

– Послушать тебя, всё так просто.

– Да не просто всё, Валера. Не просто. Я не знаю, откуда взялась Ветрянка, и куда она потом делась. Но даже если бы Ветрянки не было, её стоило бы придумать. Чтобы мы могли узнать, чего на самом деле стоим.

Ветрянкой планету назвали из-за атмосферы. Скорость ветра на ней даже в периоды затишья не опускалась ниже ста метров в секунду. Моя версия относительно тектоники, казалось, получила первое подтверждение. Вулканическая активность вполне могла быть причиной образования областей с разным атмосферным давлением, следовательно, бешеные ветра были вполне объяснимы. Более-менее приемлемое место для посадки обнаружилось недалеко от экватора. В течение трёх дней там стояло безветрие, что для Ветрянки было чудовищной аномалией. Вообще-то, полагалось выяснить, а почему повсюду ураганы, а здесь ни ветерка. Но мы побоялись, что другой такой возможности просто не представится. В первую группу высадки вошли шесть человек. Дима Аков, Паша Круглов, Илья Дегтярев, Илья Лузгин, Роберт Шнитхе и я. Нашей задачей было разведать местность и взять образцы грунта. Ну и дальше – по обстановке.

На грунт мы опустились без особых проблем. Шнитхе, как всегда, поворчал по поводу турбулентностей, но посадил челнок аккуратно. Атмосфера за бортом была вполне сносной, но мы выходили в утеплённых скафандрах – снаружи было минус тридцать. А потом мы набрали на Источник.

Первооткрывателем Источника можно считать Круглова. Именно Паше пришла в голову мысль, что прямо в центре зоны спокойствия находится подозрительно правильная долина. Естественно, мы теорию Круглова решили проверить. Других предложений не поступало, а в кромешной тьме нарезать спирали, выковыривая образцы мёрзлого грунта, никому не хотелось. Это было совсем не похоже на артефакт. Просто в центре зоны затишья оказалась долина, посреди которой бил родник. Откуда-то из глубины родника пробивался свет, так что, стоя возле Источника, мы прекрасно видели друг друга. А потом раздался голос.

Тогда мы не думали ни о чём судьбоносном. Дегтярев что-то болтал про особые свойства воды, позволяющие ей оставаться жидкой даже при сугубо отрицательной температуре. Голос слышали все. Слова звучали совершенно отчётливо, Лузгин умудрился их даже записать в аудиофайл. Тогда меня просто поразила их банальность. Эту фразу можно было прочитать где-нибудь в детских комиксах. «Перед тобой выбор. Выпей и получишь могущество. Не пей и останешься человеком». Мы обошли родник по кругу. Каждого из нас сверлила мысль «а что если?». А потом мы, не сговариваясь, приняли решение.

– Максим, почему вы не отдадите Нуль-Т людям? – Валера съёживается и внимательно смотрит мне в глаза.

– Хороший вопрос, – улыбаюсь я. – А ответ прост и банален. Человечество ещё не созрело.

– А судьи кто? – заносчиво спрашивает Валера. – Почему вы решаете за всех? Да кто вы такие? Случайные баловни судьбы, по воле космоса получившие могущество, и теперь не желающие делиться.

– И Остапа понесло... – ухмыляюсь я. – Ты хоть сам-то понимаешь, о чём говоришь?

– Понимаю. Даже слишком хорошо понимаю. Я считал тебя другом...

– Ветрянка всё поставила с головы на ноги, – я наливаю ещё воды и залпом выпиваю. – Знаешь, почему Эйнштейн уничтожил открытую им «единую теорию поля»? Потому что человечество не созрело.

– Эйнштейн сделал изобретение сам, а вы его украли.

– Ты так считаешь? – я произвольно улыбаюсь.

– И не надо лыбиться. Ветрянка поднесла Нуль-Т человечеству на блюде. А вы решили оставить его себе.

– Человечество не прошло испытания.

– Это вы не прошли испытания. Вы перестали быть людьми. Человечество всегда стояло на титанах. На людях, которые оказались выше своей эпохи. А вы... Вы антититаны. Титаны со знаком минус.

Валера вскакивает со стула и, не оглядываясь, выходит из зала.

– О, sancta simplicitas! – раздаётся у меня за спиной голос Симагина.

Только его мне не хватало для полного счастья. Рука машинально тянется к кобуре с шестизарядным Glockом. С некоторых пор я постоянно ношу его с собой. Почему я остановился именно на Glockе? Естественно, из-за магазина. Пять пуль – мало. Семь – слишком много.

Председатель совета миров садится напротив и кладёт локти на стол. Поднимаю глаза и холодно смотрю на Симагина.

– Чего тебе надо?

А он улыбается. Почему отрицательные герои всегда улыбаются? Может, потому что они уверены в себе? Ничего не боятся, ни в чём не сомневаются. Совесть находится в зачаточном состоянии, амбиции обнимают галактику. Противно.

– Ничего, – Симагин опять улыбается. – Хотел посмотреть, как от тебя отвернётся последний друг. Это забавно.

– У меня много друзей, – автоматически отвечаю я.

– Давай посчитаем, – Симагин растопыривает пятерню. – Круглов, Аков, Дегтярев, Лузгин, Шнитхе. Пальцы кончились, друзья тоже.

– Ошибаешься, – моему голосу не хватает уверенности.

– Это ты ошибаешься, щенок, – Симагин умеет заставить почувствовать себя ничтожеством. Несколько слов, несколько случайных взглядов, и ты смешан с грязью. – Других друзей у тебя нет. Тебе не нужны друзья. Ты пытаешься противопоставить себя людям. Потому что сам уже не человек. Ты – выродок. Космополит. Ничтожество. Слово «родина» для тебя ничего не значит.

– Не значит, – покорно соглашаюсь я. – Но ещё меньше для меня значат твои идеалы, Симагин. Потому что ты как был жандармом, так им и остался. И таким умрёшь. Ты просто не сможешь понять Нуль-Т.

– А ты попробуй объяснить. Без этих своих «почувствовать прикосновение звёзд сердцем».

Долго смотрю на Симагина. Он так ничего и не понял.

– Без «этих своих» не могу.

– Или не хочешь?

– Или не хочу.

Других доводов Симагин понять не способен. Он морщится, словно от зубной боли.

– Ты сам подталкиваешь нас к крайним мерам.

– А ты попробуй арестуй меня, – я широко улыбаюсь. – А я пройду сквозь стены твоей тюрьмы, потому что у меня есть Нуль-Т.

– Знаешь, Максим, иногда мы можем воздействовать через близких людей.

– Ты сам сказал, у меня нет друзей, – отвечаю я. – А упомянутая тобой пятёрка способна о себе позаботиться.

– У тебя есть дочь, – мимоходом замечает Симагин.

– А её ты не тронешь. Сказать почему? Потому что у тебя есть сын. Ради его блага оставь в покое Ингу.

Симагин смотрит на меня тяжёлым взглядом.

– Тебе говорили, что ты чёртов ублюдок?

– Если ты пришёл сюда, чтобы рассказать мне об этом, иди гуляй.

Сириус тем временем вторично выползает из-за горизонта. Наслаждаясь моментом, гляжу на светило.

– А ты не боишься, что я решу, что благо цивилизации важнее жизни моего сына? – спрашивает Симагин.

– Не боюсь. Потому что ты тоже был на Ветрянке.

– Не хочу вспоминать об этом.

– Именно поэтому вы никогда и не поймёте Нуль-Т, – сообщаю я.

– Почему «вы»? – кривится Симагин. – Ты имеешь в виду человечество?

– Я имею в виду вторую группу высадки.

Примерно через час, после того как мы обнаружили Источник, совершил посадку второй челнок. Изначально его спуск в гравитационный колодец Ветрянки не планировался. Впоследствии мы с ребятами обсуждали этот вопрос и пришли к выводу, что Симагин напихал в наши скафандры жучков. И получив данные телеметрии, тут же рванул вниз.

По возможности, он, конечно, подобрал бы экипаж из своих людей. Вот только команда челнока формируется согласно штатному расписанию, и ни малейшего шанса обойти процедуру у Симагина не было. Да и время его поджимало – мало ли что мы успеем натворить с артефактом иной цивилизации. Хотя правильнее будет сказать «предположительно артефактом предположительно иной цивилизации». Тогда у нас не было ничего кроме предположений. Да и сейчас много ли мы знаем о Ветрянке? Короче, кроме Симагина на поверхности оказались Евсеев, Гришин, Полухин, Жаворонков и Лимонов. Как они нашли Источник, мы не знаем. Сперва мы их банально прошляпили, пребывая в состоянии эйфории. А потом что-либо предпринимать было уже поздно.

Когда Дима Аков заметил их, они стояли вокруг источника и слушали голос. И остановить вторую группу высадки мы были уже не в силах. Я часто задумываюсь над тем, почему две группы людей одного статуса, одного социального положения в критических ситуациях принимают полярные решения. Может быть, судьба каждого человека predetermined от рождения? Вот родился фрукт по фамилии Симагин, и у него на роду было написано, что он должен оказаться на Ветрянке и сделать выбор. И существует специальный подген, отвечающий за этот выбор. Конечно, я прекрасно понимаю, что футурогенетика – это всего лишь лженаука, вошедшая в моду в начале двадцать второго века. Но иногда так хочется всё свалить на природу; хочется верить, что люди не виноваты в том, что они такие свиньи.

– Скажи мне, почему вы сделали это?

Председатель совета миров Симагин долго молчит, потом задумчиво смотрит на меня.

– Сделали что?

– Знаешь, вот только красивые слова оставь для общественности, – взрываюсь я. – Мы оба были на Ветрянке. И ты прекрасно знаешь, что не первая, как считается официально, а именно вторая группа высадки пила из источника. Мы сделали свой выбор – остались людьми. И в качестве утешительного приза получили Нуль-Т. Вы – пили из источника, и людьми быть перестали. Что вы получили от этой сделки, трудно сказать. Но в любом случае – немало. Иначе ваша шестёрка не стояла бы сейчас на вершине власти.

– Человечество само выбирает себе правителей, – жёстко говорит Симагин. – Ты сейчас себе представил горстку инопланетян со склизкими щупальцами, в одночасье захвативших федерацию. Хочу тебя разочаровать, самое совершенное оборудование не нашло никаких аномалий. Мы люди, Максим. Люди.

– Это физически. А морально?

– Раньше с тобой было проще общаться, – вздыхает Симагин.

– А с тобой всегда было трудно, – парирую я. – Лучше скажи мне, почему в результате случайной выборки первая группа единогласно принимает одно решение, а следующая – прямо противоположное. Тебе не кажется, что здесь пахнет мистикой?

– Первооткрыватели всегда получают славу, а сливки снимают идущие следом. Таковы законы общества.

Сириус уже поднялся над горизонтом. Прозрачный купол стал слегка матовым, защищая клиентов старбара от жёстких излучений. Встаю из-за стола и перешагиваю через пространство. Хочу увидеть Ингу. Симагин меня всерьёз напугал, своими разговорами о методах непрямого воздействия. Где ты, моя дочурка?

Инга сидит в саду и обдирает кусты сирени. Ветки тугие, не хотят гнуться, Инга, прикусив губу, пытается сделать из них грубое подобие венка.

– Давай помогу!

– Папка! – восторгу дочурки нет предела. Она виснет у меня на шее и заглядывает мне в глаза. – Я знала, что ты придёшь!

– И откуда же? – спрашиваю я с долей иронии.

– Чувствовала.

Именно так, не «чужая» и не «чувствовала», а именно «чувствовала».

– А что ты ещё чувствовала? – смотрю на дочку, слегка прищурившись.

– Что ты не пил водичку.

Мою беззаботность как рукой снимает.

– Послушай Инга, это очень важно. Откуда ты это знаешь?

– Мы в вас игрались.

– Игрались? – насторожённо переспрашиваю я.

– Это Колька Аков выдумал.

Колька Аков – сынишка Димы Акова. Сколько раз я слышал от Димы о его талантах и вот на тебе...

– Инга, а кто с вами ещё играл?

– Света Лузгина, Ира Полухина, Андрей...

– Симагин, – машинально подсказываю я.

– Андрей Симагин, Ева Шнитхе... Я всех фамилий не знаю.

Инга смотрит на меня виновато.

– Расскажи, как вы игрались.

– Колька сначала придумал планету с родником. Кто выпьет из этого родника, становится плохишом, и получает какую-то способность. Потом он объяснил, что плохиши всегда имеют способности. А кто не выпьет, тот тоже получает способность, но другую... Это чтобы плохиши сразу не победили.

– И как вы играли?

– Света сказала, что мы ещё маленькие, а с маленькими чудеса не случаются. И что мы должны играть за родителей. Я играла за тебя, папка! Я хорошо играла?

– Ты просто замечательно играла.

Крепко прижимаю дочку к себе.

– Инга, скажи мне, а как вы определяли, кто будет хорошим, а кто – плохим?

– Мы посчитались. Я была хорошей.

Вот вам и стопроцентная выборка, ниспровергающая теорию вероятности. Они посчитались. Долго рассматриваю Ингу. У неё действительно есть способности. Через пару десятилетий этим детишкам будут принадлежать звёзды. А может и раньше.

В голову приходит бредовая мысль.

– А сегодня вы будете ещё играть? – спрашиваю у Инги.

– Ага, – девочка энергично кивает.

– Хочешь, я научу тебя играть в войнушку?

Достаю глосс и протягиваю его девочке. Почему я чувствую себя в этот момент последним мерзавцем? Наверное, потому что сумел остаться человеком. Не иначе.

Коты не умеют улыбаться

*Сквозь какой-то там тыщу-лохматый год,
Протоптав тропинку в судьбе,
Полосатый, как тигр, Корабельный Кот
Научился сниться тебе.
И ползли по норам ночные крысы твоих невзгод,
Если в лунный луч выходил Корабельный Кот.*

Олег Медведев – «Корабельный кот»

Инга читала «Алису в стране чудес», временами бросая косые взгляды в сторону иллюминатора. Там всегда царила крошечная тьма – ни единой, даже самой маленькой звездочки, только клубы тумана, из шлюза казавшегося буроватым. Снаружи были мрак и смерть, внутри – обитаемый островок и безысходность.

«All right, – said the Cat; and this time it vanished quite slowly, beginning with the end of the tail, and ending with the grin, which remained some time after the rest of it had gone». – Прочитала Инга и захлопнула книгу.

– Интересно было бы посмотреть на висящую в воздухе кошачью улыбку, – вслух подумала девушка.

– Коты не умеют улыбаться...

Голос прозвучал где-то рядом, хотя в шлюзе никого не было. Инга пробиралась сюда именно из-за возможности побыть в одиночестве – отгородившись от всего звездолёта, остаться наедине с собой и с книгами. С книгами о Земле, на которую они уже никогда не вернуться.

– Кто это сказал? – спросила Инга, требовательно оглядывая пустоту.

– Банальный здравый смысл, – тут же ответил голос.

– Да нет, я имею в виду, не «кто сказал эту мысль первым», а «кто со мной сейчас разговаривает», – произнесла Инга, нахмурившись.

– Это же очевидно, – ничуть не смутился голос. – С тобой разговариваю я.

– Правила вежливости предполагают, чтобы собеседник представился, – возразила Инга.

– Но ты же не представилась... – фыркнул невидимка.

Этот довод Ингу смутил, однако она тут же взяла себя в руки:

– Но ты начал этот разговор первым!

– Правда? – невидимый собеседник отчётливо хмыкнул. – А кому хотелось посмотреть на висящую в воздухе улыбку? Не тебе?

Инга быстро оглянулась, словно ожидая увидеть эту самую улыбку. Но увидела только голые стены шлюза.

– Ты видишь меня, а я тебя нет! Это нечестно!

– Это, наверное, всё потому, что ты не там смотришь!

– А где надо смотреть? – Инга заинтересованно уставилась в пустоту. – Где можно увидеть привидений?

– Почему ты решила, что я привидение? – голос незнакомца прозвучал обиженно.

– Потому что на корабле кроме меня всего пять человек. И все они женщины. Я же сейчас отчётливо слышу мужской голос.

– Да, как у вас всё запущено... – Инга услышала в голосе разочарование. – Хорошо, если ты действительно хочешь меня увидеть – выгляни в иллюминатор.

– Логично! – девушка улыбнулась. – Если тебя не может быть на корабле, значит ты снаружи. Вот только ты одного не учёл, таинственный незнакомец. Мы сейчас находимся в гиперпространстве, и снаружи корабля по определению нет ничего.

– А ты всё-таки выгляни, – голос звучал загадочно и чарующе.

Инга подошла к иллюминатору и обомлела – снаружи в клубах бурого тумана отчётливо просматривались очертания полупрозрачной кошачьей мордочки. И Инга могла дать руку на отсечение – эта мордочка улыбалась.

– Мне кажется, она слишком много читает, – голос Мариэлины Велидоровны был сух и твёрд. – Это может плохо кончиться.

– Ой, и не говорите!

Полиандра Симариловна вязала свитер, искоса поглядывая в сторону флэтскрина, на котором показывали семьсот сорок третью серию «Возвращения любимого».

– Мне кажется, то о чём я говорю, гораздо важнее сериала! – Мариэлина Велидоровна подняла лежащий на кушетке пульт и нажала на паузу. – Мы теряем Ингу.

– Запретить ей читать – вот и всё! – В кают-компанию вошла Ниниэль Джалиновна, в бытность свою супруга капитана корабля, а сейчас председатель корабельного совета. – Нечего с молодёжью цацкаться. Ещё не хватало, чтобы она вышла наружу. Думаете, так просто она всё время отирается в шлюзе? Наверняка код подбирает.

– Ну, код-то, положим, она не подберёт, десять триллионов вариантов – это вам не шутка, – Мариэлина Велидоровна грузно опустилась на кушетку. – А вот полоснуть себя по венам... Медкомплекс на последнем издыхании, можем и не спасти.

– Сколько их было – самоубийц-то? – вздохнула Полиандра Симариловна. – И чего им только не хватает? Всё не могут смириться, что никогда не увидят Землю. А что мы забыли на этой самой Земле? Ничего хорошего. Сплошная грязь и антисанитария. По мне, так нам и тут неплохо живётся. Всегда сытые, всегда чистые, да и за здоровьем нашим медкомплекс как-никак присматривает.

– А шут их знает, чего им не хватает! – сказала Мариэлина Велидоровна.

– Это всё книги, это всё их тлетворное влияние, – Ниниэль Джалиновна высоко подняла указательный палец.

– Их с самого начала надо было скормить утилизатору.

– Хорошо, хоть потом спохватились.

– Спохватились, да поздно... Инга вон позапрятала их по всему кораблю...

– Найти и уничтожить! – твёрдо сказала Ниниэль Джалиновна.

– И найдём! И уничтожим! Пусть сериалы смотрит! Её ведь в кают-компанию не затащишь.

– Это она нами брезгует! Пороть её надо было больше!

– Поздно уже.

– Воспитанием заниматься никогда не поздно.

– Вот вы, Мариэлина Велидоровна, и займитесь её воспитанием, а я посмотрю, как у вас это получится.

– И не сомневайтесь, Полиандра Симариловна, ещё как получится. Посадить на недельку на хлеб и воду – сама свои книжонки утилизатору скормит.

– А как вы, Мариэлина Велидоровна, её собираетесь на хлеб и воду посадить? Мы же её личный код синтезатора не знаем. Как сделать, чтобы она котлетки да блинчики себе не заказывала? А?

– А мы просто закроем её в каюте, – Ниниэль Джалиновна достала из кармана стопку ключей и победоносно потрясла ей у себя над головой. – Но сначала с Ингой надо поговорить. Вдруг одумается?

– Да не одумается она, уж я то её знаю, – фыркнула Полиандра Симариловна. – Она вся в отца, тот таким же непутёвым был. На первый год путешествия вены себе вскрыл. «Не могу, видите ли, оставаться в четырёх стенах, они на меня давят». Помяните моё слово, Ниниэль Джалиновна, Инга так же кончит. У неё ведь вместо мозгов в голове сплошной сквозняк.

– Совсем как у Валенсии из «Мексиканки». Помните, на прошлой неделе она из окна выпрыгнула? А этот толстый Антонио даже в больницу к ней не пришёл...

– Ну, положим, у него были на то свои причины, хотя в предыдущей серии он уверял её, что готов умереть за любовь...

Разговор плавно перетёк на другую тему.

Инга смотрела, как кошачья морда растворяется в буром тумане. Впервые на корабле Инга столкнулась с чем-то необъяснимым, что не вписывалось в привычные законы обыденности. И Инга растерялась.

– Интересно, что это было? – спросила девушка, надеясь, что тихий голос ответит и объяснит ей всё происходящее.

Но ей ответила только тишина и прерывистый стук собственного сердца. Чудесам иногда свойственно кончаться. Инга вернулась в свою каюту и прижала колени к груди. Кошачий голос ещё стоял в ушах у девушки, и было в нём что-то необычное, таинственное. Незабываемое.

Инга открыла книгу, но мысли её постоянно возвращались назад, к коту. Кто он такой? Откуда он взялся? С раннего детства Инга мечтала о принце, о Прекрасном Принце, который вырвет её из этой коллективной могилы. С ним Инга будет чувствовать себя легко и комфортно, на него она всегда сможет опереться в трудную минуту. Инга понимала, что мечты о Прекрасном Принце противоречат законам физики, вот только она не могла остановиться. Потому что мечты – единственное, что у неё оставалось.

Ниниэль Джалиновна вошла в каюту неожиданно, Инга едва-едва успела спрятать «Алису» под одеяло.

– Читаешь? – в вопросе вдовы капитана отчётливо прозвучало неодобрение.

– Картинки рассматриваю, – огрызнулась Инга.

– Вредное занятие. Ты бы лучше за своей внешностью смотрела. Замухрышка замухрышкой, а всё туда же – читать она, видите ли, любит.

– А что в этом плохого?

– А что хорошего?

Этот вопрос смутил Ингу.

– Ну... Когда я читаю книги, я вспоминаю Землю...

– Вот это-то и плохо, – произнесла Ниниэль Джалиновна назидательно. – Ты знаешь историю нашего корабля?

– Знаю, – хмуро ответила Инга.

– Ты не дерзи старшим, а лучше послушай лишний раз. Может ума-то и прибавится. «Галилей» стартовал с Альфы Кассиопеи двадцать лет назад, тебе тогда было меньше года, и должны были долететь до Земли за неделю. Наш корабль снабжён гипердвигателем, работающим от двух реакторов холодного синтеза. Гипердвигатель позволял переходить в гиперпространство, в котором можно перемещаться со сверхсветовой скоростью. Но когда мы вошли в гипер, случилась авария.

– Наслышана. Взорвался кормовой реактор.

– Весь экипаж принимал участие в ликвидации аварии. Мой муж лично возглавил операцию. Этим героям удалось остановить синтез и заглушить реактор, вот только лучевая болезнь последней стадии неизлечима... Они погибли. Все. Лучшие из лучших. Но термоядерный демон ещё дремлет в недрах кормового реактора. Здесь, в гипере, другие физические законы, сейчас мы в безопасности. Но стоит нам выйти в обычное пространство – реактор взорвётся, и «Галилей» превратится в звёздную пыль.

– Наслышана.

– Но нас ещё было много. Среди нас оставались и мужчины и женщины и дети. Именно тогда возникла мода обманывать себя, создавать в каютах голопейзажи, делать вид, что мы находимся не на корабле, а на Земле. Знаешь, чем это закончилось? Вижу, знаешь. Волной самоубийств. Люди понимали, что всё вокруг обман, что им никогда не вернуться на Землю, и они теряли себя. У кого-то была просто глубокая депрессия, кто-то начинал видеть «демонов пустоты». Каждый сходил с ума по-своему.

– И причём тут книги?

– Не в книгах дело, а в мечтах. В воздушных замках, которые ты пытаешься себе построить. Смирись с обыденностью, научись любить свой дом – «Галилей», оставь свои мечты, в них нет смысла.

– Ниниэль Джалиновна, вам лучше уйти, – холодно произнесла Инга.

– Я надеюсь, ты одумаешься, – мягко произнесла вдова капитана. – Ты не против, если я время от времени буду тебя проведывать?

– Против, – холодно ответила Инга.

Когда Ниниэль Джалиновна вышла, Инга упала головой на подушку и расплакалась. По щекам потекли слёзы. Время от времени девушка вытирала их рукавом. Так она сидела – закусив губу и сдавленно всхлипывая – пока в размеренном шуме корабля не раздался давешний голос:

– Грустишь?

Девушка проглотила стоявший в горле комок и взглянула туда, откуда донёсся звук:

– Ты где?

– Знал – сказал бы...

Инга не могла понять, шутит голос или говорит серьёзно.

– Ты не знаешь, где находишься?

– А сама-то ты знаешь?

– Знаю, – сказала Инга так, что послышалось: «Лучше б не знать!». – На корабле «Галилей». Хотя охотно поверю в то, что это – плод больного воображения.

Послышался отчётливый кошачий получих-полуфыркание.

– Я что, глупость какую сморозила?

– Напротив... А теперь попробуй объяснить то же самое ещё раз. Без всякого субъективного восприятия и виртуальной реальности. Только старый добрый научный материализм. Так, где ты находишься?

– На корабле, – повторила Инга, ощущая в вопросе кота какой-то подвох.

– А корабль-то где находится?

– В гиперпространстве... – до Инги стала потихоньку доходить мысль кота.

– А что такое гиперпространство? – в голосе кота прозвучало не слишком прикрытое торжество.

– Полагаю, особый вид пространства, в котором и находится сейчас наш звездолёт...

– Чушь! – фыркнул голос, и Инга представила пузатого кота, вальяжно растёкшегося по каминной полке. Образ оказался таким полным, что девушка невольно усмехнулась.

– Ты хочешь сказать, что звездолёт сейчас не в гиперпространстве?

– Я хочу сказать, что в твоём образовании имеются пробелы, – быстро ответил кот.

– Значит, пробелы? – Обиделась Инга, жалея, что не может швырнуть чем-нибудь в хвостатого нахала. – В моём образовании... А в твоём?

– О! Я самый образованный кот в этой части галактики! И самый гениальный знаток гиперпространства – исключительно живучего мифа прошлого столетия. Хочешь, я расскажу, как работает ваш «Галилей»?

– Расскажи-расскажи, это обещает быть интересным. Только сначала всё-таки покажись. Я привыкла видеть собеседника.

– Можно подумать, у тебя тут слишком много собеседников, – хмыкнул кот. – Чтобы я проявился внутри твоей каюты, ты должна пригласить меня на корабль. Понимаешь ли, мы, демоны пустоты, не приучены являться без приглашения.

– Заходи, – махнула рукой Инга. – Располагайся.

Кот проявился посреди каюты, во всей хамоватой четырёхлапой красе. Сейчас Инга могла разглядеть его подробнее. Густые усы, саркастическая ухмылка и висячее, надломленное в основании правое ухо нарисовали Инге образ прожжённого космического бродяги. А потом девушка увидела глаза и утонула в этих бездонных, всепонимающих озёрах тьмы. Вертикальные полоски зрачков смотрели на Ингу с неммым восхищением, и она наслаждалась этим взглядом.

– Константин, – представился кот, чуть прищурившись.

– Инга. Ты, к-кажется, хотел рассказать мне о корабле, – произнесла Инга, пытаясь скрыть неожиданное волнение.

– Ну, так слушай, – кот свернулся в клубок у ног Инги. Он не шевелил губами, но голос – ровный и уверенный голос – возникал в голове у девушки. – В обычном пространстве скорость звездолёта ограничена скоростью света. Точнее даже не скоростью света, а некоторым пределом, после которого несущие конструкции звездолёта начинают критически деформироваться...

– Этот предел определяется по формуле две трети c умноженные на натуральный логарифм от лимита прочности композиционного материала, делённого на коэффициент осевой нагрузки, – с невозмутимым видом дополнила кота Инга.

Кот одобрительно фыркнул.

– Молодец, знаешь! И каким образом люди сумели преодолеть световой барьер?

– Они научились погружать звездолёты в гиперпространство, где светового барьера просто не существует!

– Двойка по физике, естествознанию и астронавигации, – буркнул кот. – Никакого такого «гиперпространства» просто не существует. «Гиперпространство» – это псевдонаучный термин, придуманный фантастами-профанами в конце прошлого тысячелетия и прижившийся среди обывателей.

– А где же мы сейчас находимся? – полушёпотом спросила кота Инга.

– Я же тебе с самого начала говорил, что не имею ни малейшего представления, где я нахожусь, – терпеливо объяснил Инге кот.

– Хорошо, а где тогда нахожусь я? Где находится наш корабль? Как вообще возможны сверхсветовые полёты?

– Надеюсь, ты знаешь, что наши тела состоят из атомов?

– Атомы состоят из протонов, нейтронов и электронных облаков, а те в свою очередь состоят из кварков, – ответила Инга.

– А некоторые кварки состоят из микрокварков, – продолжил кот, – однако это нас уже не касается. Интересующие нас взаимодействия происходят на уровне кварков. Вообще эти взаимодействия сами по себе очень интересны, благодаря ним формируется электронный спин и внутриатомное притяжение. Так вот, каждый кварк несёт в себе некоторый квазизаряд, который и определяет все гравитационные взаимодействия, начиная от притяжения материи и кончая образованием статичных ям в вакууме. А теперь представь себе, что будет, если обнулить этот квазизаряд.

– Не представляю, – честно призналась Инга, – но, полагаю, ничего хорошего...

Кот саркастически хмыкнул.

– Хотя бы вспомнила про антигравитацию... Но это ещё не самое важное свойство квазифизики. Помнишь, почему согласно теории Эйнштейна – Чеснокова скорость света является абсолютным пределом?

– Наша вселенная представляет собой большой пузырь, наполненный фотонами в состоянии покоя. Любой физический предмет при ускорении сталкивается с сопротивлением эфира Чеснокова, причём на больших скоростях энергия ускорения начинает полностью расходоваться на образование электронно-позитронных пар. Отсюда возникает приращение массы и, соответственно, предел скорости.

– Вот-вот. А если мы обнуляем квазизаряд звездолёта, что происходит? – кот подмигнул правым глазом.

– Исчезает внутреннее взаимодействие между кварками, и звездолёт превращается в мелкую пыль, – просто ответила Инга.

Кот озадаченно посмотрел на Ингу, потом улыбнулся.

– Вот именно поэтому квазизаряд не обнуляют, а просто изменяют его полярность. И корабль летит сквозь пространство, как неуловимый Летучий Голландец, со скоростью во много раз превышающей скорость света.

– Как Летучий Голландец, – произнесла Инга, и тут её прорвало. Инга почувствовала, что если она сейчас не выговорится, если не расскажет Константину всё от начала и до конца, то она никогда не сможет себе этого простить.

Инга сидела и молча смотрела в потолок. Рядом примостился полупрозрачный кот, меланхолично вылизывая шерсть.

– Вот так мы и летим, медленно умирая изнутри... – закончила Инга, и доверчиво заглянула в зелёные глаза. – Иногда мне хочется просто открыть шлюз и шагнуть туда, в неизвестность – так я устала. Знаешь, это так трудно – понимать, что я никогда уже не попаду на Землю.

– Земля... – мечтательно произнёс кот. – А почему, ты собственно, так рвёшься туда?

– Мне тесно оставаться в четырёх стенах, здесь я постоянно испытываю какое-то давление.

– А почему именно на Землю? Чего ты ждёшь от Земли?

– На Земле я смогу выйти замуж. На Земле я расширю возможности своего разума, имплантировав к себе в мозг компьютер.

– Это опасно, – неожиданно серьёзно произнёс кот.

– Это ты про «замуж»?

– Это я про компьютер. Нейрооперации до сих пор сложны, только один из пяти пациентов после имплантации сохраняет свою индивидуальность.

– Ладно, – согласилась Инга. – Тогда остаётся пункт «замуж».

– Тогда вам действительно стоит вернуться на Землю.

– Ты меня совсем не слушал, – Инга швырнула в кота подушку, от которой тот ловко увернулся. – Когда произошла катастрофа, нам пришлось заглушить основной реактор. Но внутри до сих пор идёт синтез. Пока мы в гипере, это безопасно. Но стоит нам выйти из него – реактор тут же рванёт.

– Чушь, – поморщился Константин, и у Инги спёрло в груди. – Квазизаряд никоим образом не влияет на сам процесс водородного синтеза. Худшее, что с вами может случиться – кратковременная перегрузка от трёх до пяти же... Думаю, это не смертельно...

– Но почему?!! Почему все эти годы мы летим неизвестно куда, если всё так просто. Почему?!!

– Это ты у меня спрашиваешь? – Константин выразительно посмотрел на Ингу.

– Да. То есть, нет. То есть... Я запуталась. Нужно сказать об этом нашим. Представляю, как они обрадуются...

– Выкинь этот бред из головы! Ты хочешь всех нас убить! Мало тебе лавров твоих предшественников, которые убили себя, так ты ещё хочешь захватить с собой и всех нас! Не выйдет!

Ниниэль Джалиновна была разъярена. Ещё бы – эта соплячка, которая и есть то от горшка два вершка, взялась учить её – вдову капитана – что надо делать.

– Ниниэль Джалиновна, но это же наш единственный шанс, – Инга готова была расплакаться. – Вы же хотите увидеть Землю.

– Хочу, – автоматически солгала Ниниэль Джалиновна. – Но только ещё больше я хочу сохранить экипаж в живых. Я несу ответственность за людей, а выход из гиперпространства почти наверняка означает нашу смерть. Поэтому я не могу пойти на это. Успокойся и вытри соплю.

– Вы! – гневно выкрикнула Инга. – Именно вы несёте ответственность за тех людей, которые сделали выбор уйти. Вы крадёте у людей последнюю надежду! Смысл жизни! Я вас ненавижу!!!

– Я только разрушаю ненужные иллюзии. Воздушные замки. Ты слишком много фантазируешь, девочка. Пора тебе взрослеть, возвращаться к реальной жизни.

– Тогда... Я сделаю это сама! Вы не сможете помешать мне! Слышите! Не сможете!

– А вот это ты видела? – Ниниэль Джалиновна повертела перед носом у Инги пластинку магнитного ключа. – И рубка, и реакторная заперты, ты просто не сможешь туда попасть.

– Смогу! – Инга развернулась и побежала прочь – в сторону своей каюты.

– Подожди, мы ещё не закончили!

– Я не хочу вас видеть! Никого! Слышите, никого!

Инга влетела в каюту и наглухо задвинула композитный засов.

– Немедленно открой дверь! – прокричала Ниниэль Джалиновна, колотя руками и ногами по твёрдой поверхности.

– Ни за что! – чётко ответила Инга.

– Ну и как, ваши обрадовались? – Константин лежал на кресле и лукаво смотрел на Ингу.

– Как видишь, – вздохнула девушка.

– Этого следовало ожидать.

Тем временем из-за двери донеслось приглушённое шушуканье, судя по всему, там собрался весь экипаж, решая, как поступить с непокорной девчонкой.

– Что будем делать? – спросила Инга у кота.

– Полагаю, пока весь экипаж ломится в твою каюту, нам стоит сходить в рубку и посмотреть что там и как.

– Константин, мне кажется, ты кое-что забыл.
– Правда? – Константин пристально посмотрел на Ингу. – И что же?
– Между нами и рубкой две запертые двери и пять разозлённых тёток.
– Хм, – фыркнул Константин. – Это, действительно, досадное упущение. Но, полагаю, мы что-нибудь придумаем. Положи мне руку на загривок.
– Как? – Инга вопросительно посмотрела на Константина.
Но тот непонятным образом вытянулся, и теперь больше напоминал тигрёнка, чем кота.
Инга прикоснулась к шее Константина. Шерсть у него была странная, какая-то неправильная: гладкая, холодная и чересчур мягкая.
– Отлично! А теперь ничему не удивляйся. И не отпускай руку, чего бы ни увидела.
Константин подошёл к стене корабля и поскрёбся в неё. Инга только приготовилась что-нибудь съязвить по этому поводу, как стена всколыхнулась и расступилась перед ними. Девушка увидела коридор, окантованный бурым туманом. И Константин смело шагнул в этот коридор. Инга, не отпуская кошачьего загривка, шла за Константином, изумлённо озираясь. Места, по которому они шли, просто не должно было существовать. Инга даже подумала, что это просто бред, галлюцинация.
– Не беспокойся, ты в здравом уме и твёрдой памяти – это действительно существует, – разрушил её опасения тихий голос Константина, прозвучавший в голове у девушки.
– Правда? – Инга выдавила из себя усмешку. – Я иду по месту, которого просто не может быть, в сопровождении говорящего кота. И что же это такое, если не бред?
– Реальность, – просто ответил Константин. – Банальная реальность. Не отвлекайся, мы уже почти пришли.

В рубке царило запустение. Множество предметов – рассыпанные по полу нанодиски, какие-то навигационные журналы, разбитый вдребезги наладонник – несли на себе отпечаток давно минувшей катастрофы.
– Титаник онлайн, – фыркнул Константин и тут же запрыгнул в кресло первого пилота. – Доступ рi-42-273-unreal. Аварийный рестарт системы.
Ответом ему была лишь тишина. Инга улыбнулась.
– Интересно, в чём же тут дело? – задал вопрос в потолок кот.
Тишина выразительно промолчала. Константин положил лапы на пульт и быстро-быстро забегал ухоженными когтями по клавиатуре. В результате его манипуляций ожил один из мониторов.
– Ого, а тут повреждения гораздо сильнее, чем можно было ожидать.
Инга заглянула Константину через плечо. На мониторе раз за разом появлялась неизменная фраза: "files not found".
– Это значит... – Инга вопросительно посмотрела на спутника.
– Мне очень жаль, – Константин вздохнул как-то совсем по-человечески. – «Галилей» навсегда останется в квазисостоянии. Прощай, Инга.
– Подожди! Я не хочу здесь оставаться!!! Константин. Пожалуйста! Возьми меня с собой!!! Проведи меня к себе по тёмному коридору! Пожалуйста!
– Вот ты уже и термин для перехода придумала. Прости. Я не могу этого сделать. Технически не могу, – кот виновато улыбнулся. – Есть только одно существо, которое на это способно.
– Кто?
– Ты сама.

Константин медленно растворился, и только искренняя грусть, одушевившая последние слова, ещё долго висела в воздухе.

Инга присела на край стола и улыбнулась. Потом ещё раз улыбнулась и шагнула сквозь стену. И само пространство расступилось перед тихой решимостью девушки.

Холодное сияние исходило от стен неведомого коридора, который уходил в пустоту. Причудливое векторное переплетение линий показалось Инге смутно знакомым, и девушка уверенно устремилась вперёд. Движение отнимало силы, но, как это ни странно, возвращало уверенность. Где-то впереди проступили очертания небольшого корабля, который с каждым шагом был виден всё отчётливей. Инга оглянулась. Коридор, по которому она шла, терялся в буром тумане, и контуры «Галилея» уже практически не угадывались. Лёгкое головокружение застало Ингу врасплох, девушка побежала вперёд, только вот расстояние в этом коридоре, по-видимому, определялось по иным законам. Инга вдруг вспомнила, что приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте; если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать, по меньшей мере, вдвое быстрее! И она побежала...

Инга открыла глаза и увидела потолок. Обычный шероховатый корабельный потолок пепельного оттенка, вот только шестое чувство громко кричало Инге, что она не на «Галилее». Несколько секунд Инга лежала, рассматривая монтажные пупырышки и вслушиваясь в размеренные щелчки, раздававшиеся где-то рядом. В конечном итоге любопытство победило страх, и Инга оторвала голову от подушки. Небольшой рыжий котёнок читал с непривычно яркого монитора. Причём языка, на котором был написан текст, Инга не знала. Услышав шорох, котёнок повернул голову и заинтересованно уставился на девушку. Висячее, надломленное у основания правое ухо, категорически выдавала в нём недавнего визитёра, вот только глаза у котёнка были самые обычные – узкие кошачьи глаза.

– Константин? – хрипящим от волнения голосом спросила Инга.

– Его зовут Мурзик, а Константин – это я, – раздался за спиной у Инги знакомый голос. – Мы рады приветствовать тебя на борту «Диптиха».

Девушка повернула голову и увидела входящего в каюту молодого человека в синей джинсовой форме. В его бездонных глазах сверкали созвездия.

Они сидели в кают-компании и пили чай – солоноватый с каким-то незнакомым Инге ароматом.

– Как тебе всё это удалось? – Инга опустила голову на плечо Константина, нежно прижимаясь к его гладко выбритой щеке.

– Спасибо Мурзику, – Константин бросил взгляд в сторону котёнка безмятежно лакавшего молоко. – Ему удалось обнаружить ваш корабль, а остальное было делом техники. Слияние сознаний – моего и Мурзика – и искусственная проекция квазиобраза.

Инга подняла голову с плеча Константина, предпочтя в очередной раз раствориться в его зелёных глазах.

– А когда мы махнули из каюты в рубку? Это тоже был квазиобраз?

– Переход осуществлял Мурзик. Я до сих пор не понимаю, как ему это удаётся. Мало того, что он знает квазифизику лучше нас с тобой вместе взятых, он ещё умеет манипулировать объектами с отрицательным квазизарядом.

– Кто такой этот Мурзик? Ты говоришь о нём, как будто он кандидат наук.

– В прошлом году он защитил докторскую, – усмехнулся Константин.

Инга недоверчиво встряхнула головой. Константин улыбнулся.

– Знаешь, с самого начала путешествий сквозь так называемое «гиперпространство» было замечено, что человеческий мозг, в условиях отсутствия эфира Чеснокова, ведёт себя как-то странно. В одних случаях вроде бы умные люди непроходимо тупеют, у других, наоборот, интеллект растёт как в гидропонной оранжерее. Именно тогда и возник проект «Совершенный Разум». Мурзик – продукт эксперимента «Котятя-74». На корабле, находящемся в квазисостоянии, окотилась кошка. Для её котят была разработана оригинальная методика развития. Сейчас их интеллект в несколько раз превышает человеческий.

– А «Котятя-73» имели место быть? – спросила Инга.

– Предыдущие семьдесят три, впрочем, как и последующие несколько тысяч подобных экспериментов окончились полной неудачей, – вздохнул Константин. – И, что самое интересное, никто не знает, почему именно эти котятя неожиданно обрели разум, а все остальные остались просто котятями.

Инга смотрела на Мурзика и пыталась осознать, что вот в этом маленьком пушистом клубочке заключён интеллект, превосходящий интеллект человеческий.

– А как насчёт математики?! – вдруг сообразила Инга. – Кошки же не способны к абстрактному мышлению!

– Ты права, – Константин тяжело вздохнул. – Банальная математика этим котятям недоступна. Пытались даже создать «образную математику» и «образную физику», но в конечном итоге оказалось, что симбиоз с компьютером надёжнее.

– В Мурзика напихали чипов? – Инга с сожалением посмотрела на котёнка.

– Да нет, кто же решиться оперировать мозг, который работает по непонятному для нас принципу...

Инга внимательно посмотрела на Константина, и глаза девушки округлились.

– Чипов напихали в меня, – подтвердил её догадку Константин. – А доступ к ним Мурзик осуществляет через слияние сознаний.

– Это жестокий мир, – Инга прижалась к плечу Константина. – Скажи, а какова цель твоей экспедиции? Только честно.

– Мы искали потерянные корабли... – Константин на секунду запнулся. – Мы искали совершенный разум, который мог бы развиваться на одном из потерянных кораблей. Разум, который оперирует абсолютно иными категориями. Разум, по сравнению с которым Мурзик – просто глупый котёнок.

Искали. Это слово резануло Ингу по ушам.

– Значит, вы нашли его? В тот момент, когда я... из рубки – сюда?.. Знаешь, Костя, мой разум далёк от совершенства.

– Инга, – Константин обнял девушку за талию и нежно поцеловал в носик. – Когда Мурзик осуществлял переход «из каюты в рубку», он знал, где находится твой корабль и с какой скоростью он движется, у него даже была монтажная схема «Галилея». Ты же осуществила гораздо более красивый переход, не имея ни малейшего представления о местонахождении «Диптиха». Совершенный разум – удел котят, а мы нашли нечто большее... Совершенную интуицию.

Юзабилити

Представьте себе питекантропа, попавшего в звездолёт. Он приспособит эту «стальную пещеру» под жилище, но никогда не сможет раскрыть всех возможностей корабля.

(Андрей Балабуха, «Тема для диссертации»)

«Юзабилити» – это степень, с которой продукт может быть использован определёнными пользователями при определённом контексте использования для достижения определённых целей с должной эффективностью, продуктивностью и удовлетворённостью.

(Международный стандарт ISO 9241-11).

– Так вот ты какое, настоящее прошлое! – восхищённо прошептала Инга, когда люк хроноскофа открылся и богатый запахами воздуха плейстоцена хлынул в шлюзовую камеру.

Инга впервые путешествовала назад во времени, и древняя Земля была ей ещё в новинку.

– Смелее, девушка! – флегматично почёсывая правое ухо, сказал Фёдор Игнатьевич, пожилой палеоисторик, приписанный к экипажу «Диптиха» на время экспедиции. – Все достижения человечества начинаются с первого шага. Колумб однажды приплыл на американский континент. Гагарин полетел в космос. Армстронг высадился на Луну. Веров достиг Сатурна. Дженкинс исследовал планеты Проксимы Центавра. Арбитман обнаружил параллельную реальность. Звягинцев проторил тропинку в прошлое. Повторяя эти шаги, мы делаем их традицией. Вперёд!

С этими словами палеоисторик слегка подтолкнул Ингу, и та, не удержав равновесия, плюхнулась на пахнущую хвоей землю.

– Фёдор Игоревич! – возмущённо воскликнула девушка, вскакивая и отряхивая комбинезон.

– Я уже восемьдесят лет как Фёдор Игоревич, – сообщил учёный, спрыгивая вслед за Ингой. Пассажирский люк находился в самой нижней точке корпуса хроноскофа, и от земли его отделяло не более полуметра. – И собираюсь прожить под этим именем ещё пару веков, так что ничего нового вы мне не сказали.

– А ведёте себя как ребёнок!

– Знаешь, в чём главная беда современной цивилизации? Мы разучились быть детьми, разучились верить в свои силы. Летим к звёздам, а сами сомневаемся. Возвращаемся в прошлое, и опять сомневаемся. Неуверенность – вот бич эпохи!

– А, может, всё-таки, болтовня? – из шлюза показался торс Константина, пилота, командира «Диптиха» и по совместительству мужа Инги. Смонтированный на стене шлюза овальный рычаг плавно пошёл вниз, выдвигая короткий трап.

– Болтовня? – переспросил Фёдор Игоревич, отодвигаясь в сторону, чтобы освободить место.

– Может, пустая болтовня – бич эпохи? Напоминаю, что здесь вполне могут водиться саблезубые киски, у которых очень хороший слух.

– А вы представляете, Константин, сколько травоядных необходимо, чтобы обеспечить пропитанием самого маленького махайрода, больше известного обывателям под именем саблезубого тигра? У них обширнейшие охотничьи угодья, и вероятность того, что мы вот так с ходу наткнёмся на такую киску, ничтожно мала.

– Когда она решит закусить, вам будет не до анализа вероятностей, – вставила шпильку Инга.

– Кто здесь поминает кисок все? – раздался синтезированный компьютером голос четвёртого члена экипажа, доктора физико-математических наук Мурзика.

Несколько лет назад по личному времени Инги на одном из земных исследовательских звездолётов под строгим контролем учёных окотилась кошка. Эксперимент «Котятка-74» был поставлен для изучения развития нервной системы высших млекопитающих в условиях гиперпрыжка. Что у этого помёта возникнет разум, не предполагал никто: семьдесят три предыдущих эксперимента дали нулевой результат, впрочем, как и несколько тысяч последующих. Учёные так и не узнали, что вызвало изменения в сером веществе котят, однако программу адаптации для братьев по разуму разработали. Впрочем, это оказалось несложно, IQ у всех котят переваливал за 180. На «Диптихе» Мурзик выполнял функции аналитика, при этом он, как подозревала девушка, на полную катушку использовал возможности квантового компьютера хроносафа.

– Мы спорили про саблезубых тигров: водятся они здесь или нет?

– Водятся, – сообщил кот.

– Откуда знаешь? – с интересом спросил Фёдор Игоревич.

Мурзик почесал лапой нос и презрительно выгнул спину:

– Палеонтологическую базу поднял.

Фёдор Игоревич хлопнул себя по лбу, такой простой ответ не приходил ему в голову. Константин, более привычный к фокусам Мурзика, только улыбнулся: в словесных дуэлях коту не было равных.

– Константин, будь любезен, обрисуй нам задачи данной экспедиции? – кот преданными глазами уставился на капитана.

– Милейший доктор, а самому о цели экспедиции догадаться не позволяет видовая принадлежность? – хмыкнул палеоисторик. – Махайродов мы будем изучать. Или питекантропов. Других достойных задач в этой эпохе нет.

Инга с интересом уставилась на Мурзика. Это был вызов: язвить на борту диптиха полагось только коту, и девушка с интересом ожидала, как тот выкрутится из возникшей ситуации.

– Милейший профессор, я рассмотрел оба предложенных вами варианта ещё до того, как «Диптих» занял своё место на высокой орбите, – вкрадчиво сообщил Мурзик. Кот мог синтезировать любые голосовые оттенки и бессовестно этим пользовался. – Поверьте мне, ни мои, ни, тем более, ваши предки не являются объектом исследования экспедиции. Обратите внимание, какая подобралась компания. Константин, несмотря на молодость, один из лучших пилотов Земли. Инга – выдающийся специалист по неформальной логике, интуиит и просто хороший человек. Я – вершина эволюции, *felis sapiens*. Да и вы, вроде бы, в определённых кругах считаетесь неплохим палеоисториком. Если бы мы должны были изучать махайродов, к нам бы прикрепили зоологов, а если бы речь шла о питекантропах, то в составе экспедиции были бы психологи, религиоведы, физиологи и прочие дармоеды от гуманитарных наук. Возможно, ваша видовая принадлежность сыграла нехорошую шутку, и вы не смогли дистанцироваться от существовавших в эту эпоху приматов. Но поверьте моим словам: мы здесь не из-за них.

Краска залила лицо Фёдора Игоревича, однако он не собирался сдаваться:

– Ваши доводы, дорогой доктор, звучат убедительно для людей, далёких от науки. Но давайте послушаем, что скажет нам командир, всё-таки он точно знает то, о чём мы с вами только можем догадываться.

– Дорогой профессор, если вы помните, я и спрашивал о цели нашей экспедиции именно командира, когда вы столь бесцеремонным образом вмешались, пытаясь комментировать вещи, о которых не владеете даже толикой информации.

– Котег жжот, – прошептала на ухо Константину Инга.

Тот обнял девушку за талию и широко улыбнулся:

– Уважаемые господа, Мурзик, как всегда, абсолютно прав. Задачи, которые перед нами поставило Министерство фундаментальной науки Земли, никоим образом не касаются ни саблезубых тигров, ни пещерных людей. Мы ищем в этой эпохе инопланетян.

Пауза получилась шикарная. Тишина пятном сгустилась вокруг хроноскофа, обнимая экипаж «Диптиха». Она напомнила Инге гиперпрыжок, момент, когда корабль переходит в квазисостояние: нахлынувшее молчание, внутренний шок, смятение. Потом Инга, отстранившись от Константина, фальцетом спросила:

– Это правда?

Что слова Константина истинны, экипаж «Диптиха» убедился уже на следующий день, когда стартовавший с хроноскофа небольшой коптер и обнаружил чужой звездолёт. Когда «Диптих» достаточно снизился, чтобы можно было разглядеть место катастрофы, экипажу открылась изумительная картина. Приплюснутый диск неземного происхождения лежал у подножия холма, большим тёмным пятном выделяясь на фоне буйной тропической флоры.

– Лет десять с момента падения, – прикинул Константин, изучая деревца, успевшие вырасти вокруг звездолёта. – Как думаете, кто-нибудь остался в живых?

– Вряд ли, – не задумываясь, ответила Инга. – Он выглядит заброшенным.

– Девушка права, – согласился Фёдор Игнатьевич. – Насколько нам известно, звездолёты чужих имеют просто потрясающие возможности по самовосстановлению. Держу пари, этот корабль готов стартовать прямо сейчас. Если бы в живых остался кто-нибудь из инопланетян, он бы давно улетел, а мы наблюдали бы живописную воронку, заполненную водой.

– С вероятностью 97,3 % на инопланетном звездолёте отсутствует разумная жизнь, – не упустил возможности вставить слово Мурзик.

– Вероятность внушает уважение, – хмыкнул палеоисторик. – Коллега, не поделитесь методикой определения её численного значения?

– Воспользовался вашей методикой, уважаемый коллега. На глазок, – не меняя выражения морды сообщил Мурзик.

Инга, при этих словах громко хмыкнула, даже всегда серьёзный Константин не смог удержаться от улыбки.

– Где будем садиться? – Фёдор Игнатьевич сделал вид, что не заметил шпильки. – Хотелось бы поближе к чужому звездолёту, но опасно – как бы не зацепить защитные системы.

Константин вопросительно посмотрел на Ингу, потом на кота.

– Лучше сесть от него подальше, – сообщила Инга. – Мне так кажется.

– Мяу! – Мурзик не стал утруждать себя использованием динамиков, изобразив пантомиму «ты здесь капитан или мышей половить вышел?» Сейчас он был похож на обыкновенного рыжего кота: тощий, грациозный, с надломленным у основания правым ухом.

Константин кивнул:

– Приземлимся чуть в стороне, не хочу рисковать «Диптихом».

Двигатели хроноскофа сменили тональность урчания, и аппарат мягко опустился на грунт.

– Мы его нашли, – выдохнул Константин, всё ещё не верящий в реальность происходящего. – Мы нашли настоящий чужой звездолёт. По возвращению домой, нам отольют памятники из чистого золота.

– Бери выше – из платины, – восхищённо прошептал Фёдор Игнатьевич.

Мурзик, уже воплощённый в монументе, скромно промолчал, а у Инги просто не нашлось слов.

Грбыру хотелось есть. Дающее-сытость-быстроногое-мясо три луны назад откочевало к северу, а вызывающие-изжогу-маленькие-шустрые-ушастики проявляли завидную бдительность, в результате чего Грбыр был ужасно голоден. Ещё Грбыру хотелось эженицу. Его

согревающая-ночами ушла вместе с племенем, оставив на скале прощальное письмо. Грбыр был изображён в нём отсечённым-от-племени-придумывающим-слова-неудачником, а сама согревающая-ночами держала в руке не скребок-для-разделявания-шкуры, а летящую-в-еду-острую-палку, а у её ног лежала поверженная гора-мяса-с-хвостом-на-морде. Грбыр уже два солнца подряд размышлял о том, насколько этот мир несправедлив и даже придумал слово «феминизм», обозначающее согревающих-ночами-мнящих-себя-охотниками. На охоту Грбыр идти опасался, прошлой ночью он встретился с мохнатым-убийцей-на-мягких-лапах, от которого чудом унёс ноги, и теперь осторожничал. Впрочем, голод всё сильнее давал о себе знать, и Грбыр, опираясь на летящую-в-еду-острую-палку, для которой он придумал звучное название «копё», выбрался из пещеры. Неподальку кочевали горы-мяса-с-хвостом-на-морде, но охотиться на них можно было только всем племенем, да и то результат охоты был непредсказуем. Поэтому Грбыр, тяжело вздохнув, отвернулся от добычи-наполняющей-рот-слиюной и отправился на поиски другой пищи.

Вблизи звездолёт напоминал скалу, поросшую коричневой травой. Вот только идеально ровные ростки намекали, что это палеофлора, а высокотехнологичное покрытие, защищающее корабль от разрушения. Команда несколько раз обошла махину в поисках двери, но сплошная поверхность не оставляла им никакой надежды. Когда солнце уже начало клониться к закату, а в воздухе появились большие слепни, раз в пять превышающие своих далёких потомков, доживших до XXIII века, экипаж вернулся на «Диптих».

– Итак, что мы имеем? – спросил Константин.

– Шиш с маслом, – сообщил Фёдор Игнатьевич.

– Коллега, вот уж не ожидал от вас... – Мурзик сделал театральную паузу, а потом эффектно добавил: – столь точной формулировки. Обычно вы всё ходите вокруг да около, стесняясь признать своё поражение.

– Своё поражение? – Фёдор Игнатьевич изогнул бровь. – А, может, всё-таки наше общее поражение, коллега? Или вы, как обычно, припрятали туза в рукаве?

– У меня нет рукавов, – сообщил Мурзик, и демонстративно принялся вылизывать тощие рыжие лапы. Впрочем, это не мешало ему продолжать издеваться над коллегой – язык кота не имел ни малейшего отношения к его речевому аппарату. – Но пока вы, господин палеоисторик, кружили вокруг аппарата, восхищаясь цветочками да бабочками, я пытался размышлять.

– И как, понравилось?

– А вы, Фёдор Игнатьевич, хоть раз в жизни попробуйте заняться этим весьма полезным делом, может, тогда вы отучитесь задавать дурацкие вопросы.

– А вам не кажется, что столь пренебрежительно относиться к одному из ведущих учёных, вы бросаете вызов земной науке в целом?! – не сдержался палеоисторик.

– Мне кажется, что под «земной наукой в целом» вы подразумеваете научных функционеров, не способных даже на малейший полёт мысли, зато весьма плодотворно вручающих друг другу научные степени и выделяющие на тупиковые исследования фантастические гранты.

– Мы летаем к звёздам! – выдал свою коронную фразу пожилой учёный.

– И какое отношение палеоистория имеет к этому, несомненно, выдающемуся факту? – хмыкнул Мурзик.

– Я сейчас говорю за всю земную науку.

– Вы хоть и летаете к звёздам, но делаете это настолько медленно, что невольно становится стыдно за вид homo sapiens.

– Вы, милейший felis sapiens, знаете кого-то, кто летает быстрее?

– Они, – кот повернул мордочку в сторону чужого корабля. – Они летают быстрее.

– Это очевидно, – вмешался в разговор Константин. – Более совершенная технология подразумевает большую скорость межзвёздных полётов. Но если именно об этом ты думал,

пока Фёдор Игнатьевич «восхищался цветочками и бабочками», то я вынужден заметить, что он провёл время с большей пользой.

– Я думал о том, как нам попасть на их корабль, – сообщил Мурзик, лениво помахивая хвостом. – И, кажется, придумал.

– Внимательно слушаю, – Константин уселся на выплывший из стены стульчик.

– Совершенная технология предполагает не просто многофункциональность системы, но ещё и высокую степень юзабилити. Для не владеющих терминологией, – Мурзик торжествуя покосился на Фёдора Игнатьевича, – поясню, что юзабилити характеризует возможности пользователя и удобство управления системой. Юзабилити – обязательное качество любой многофункциональной системы. Иначе пользователь в ней просто потеряется.

– Это понятно, продолжай.

– Чтобы проникнуть внутрь, нам необходимо показать системе, что мы относимся к экипажу корабля. Как вы думаете, какой критерий для этого логичнее всего использовать.

– Тест Тьюринга? – предположила Инга.

– Он самый. Если мы разумны – то мы экипаж корабля. В противном случае мы экзотическая фауна.

– И почему же эта суперинтеллектуальная система не определила нас как разумных существ? – в голосе палеоисторика явственно прозвучал сарказм.

– Потому что кое-кто восхищался цветочками и бабочками, – не моргнув глазом сообщил Мурзик. – Как вы думаете, такое поведение характеризует вас как разумное существо?

– Мне кажется, ты сейчас шутишь, – неуверенно произнесла Инга. – Дело не в этом.

Мурзик восхищённо мявкнул.

– Учитесь у этой девушки, коллеги. Она, как и все женщины, ничего не знает, зато всё понимает. Разумеется, Фёдор Игнатьевич, ваше поведение не играет никакой роли. Просто мы не похожи на экипаж этого корабля, поэтому система и не сочла нужным активировать тест Тьюринга.

– И как нам решить эту проблему? – заинтересовался Константин.

– Полагаю, в критических ситуациях система должна принимать решение, не опираясь на фенотип существа. Иначе покалеченные члены команды не смогли бы пройти идентификацию своей-чужой.

– Критическая ситуация? – Константин почесал затылок.

– Если инопланетяне – дневные существа, можно попробовать проникнуть на борт звездолёта ночью.

Упавший-с-неба-камень Грбыр увидел сразу. Он приотился чуть в стороне от великой-скалы-шаманов-о-которой-рассказывают-легенды и был похож на живущую-в-воде-холодную-еду. Грбыр назвал упавший-с-неба-камень «тарелкой» и уже хотел пройти мимо, когда заметил вылезавших оттуда уродливых существ, походивших на людей, но одетых в грубые-шкура-без-меха и недостаточно волосатых. Впрочем одно волосатое существо там всё-таки было, оно напоминало детёныша мохнатого-убийцы-на-мягких-лапах, и поэтому Грбыр решил проследить за странным племенем. В том, что мохнатый-убийца-на-мягких-лапах придёт за своим детёнышем, Грбыр не сомневался. А когда он съест уродливых-существ-в-грубых-шкурах-без-меха, то, возможно, и Грбыру перепадёт от этой трапезы. Грбыр решил, что существа были шаманами, потому что, несмотря на сгущавшийся мрак, они шли напрямиком к великой-скале-шаманов-о-которой-рассказывают-легенды.

Грбыр не боялся шаманов. Мохноногий-охотник-дружащий-с-невидимым-ужасом, бывший шаманом племени сам был в ужасе, когда Грбыр стал называть ему придуманные слова. На слове «запор» мохноногий-охотник-дружащий-с-невидимым-ужасом упал на четвереньки, и сплёвывая по очереди то через одно, то через другое плечо начал медленно отползать

от Грбыра. Впрочем, репутация придумывающего-слова от этого в племени не укрепилась, шаман сообщил, что Грбыр побеждён злобным духом заставляющим-каждое-солнце-придумывать-никому-не-нужные-слова, и на него стали смотреть как на раненого-не-на-охоте.

Тем временем уродливые-существа-в-грубых-шкурах-без-меха подошли к великой-скале-шаманов-о-которой-рассказывают-легенды и стали совершать непонятные действия. А потом прямо в скале появилась пещера.

– Я ожидал, что это будет несложно, – сообщил Мурзик присутствующим. – Но чтобы настолько!

Инга смотрела на кота пытаясь определить, откуда доносится довольное мурчание – из закреплённых на спине динамиков или из кошачьей утробы. Кот любил фальсифицировать мурчание, поэтому дать однозначный ответ на этот вопрос было проблематично.

– Да уж, простейшая капча плюс теорема Пифагора, и вот мы на борту самого совершенного звездолёта времён плейстоцена, – Константин явно не мог поверить в удачу. – Что это, если не везение?

– Системный подход, – с гордостью сообщил Мурзик. – Недюжинный интеллект. И, конечно, везение.

Они шли по длинному коридору, уходящему в глубь корабля чужих. На шершавых коричневых стенах ровным розовым светом горели светильники.

– Аварийная система освещения? – предположил Константин.

– Вполне возможно, – согласился Фёдор Игнатьевич. – Хотя не факт, не факт. Красноватый оттенок, неразрывно связанный в человеческом восприятии с опасностью, в невербальной символике чужих может означать что угодно: от дружеского приветствия до повседневного освещения их родной планеты.

– А так же вполне может быть настраиваемым пользователем интерфейсом, – встрял Мурзик. – Здесь все ваши знания, уважаемый профессор, не играют абсолютно никакой роли.

– Ваши тоже, – тут же отозвался палеоисторик.

– Я опираюсь не на знания, а на универсальную логику, – парировал кот. – Дважды два в любой системе отсчёта будет четыре. Хотя изображение этих символов может быть совершенно разное.

– И как мы поймём, что перед нами именно две двойки и знак умножения? – робко спросила Инга.

– По идее, юзабилити этого корабля должно иметь оптимальное. То есть управление должно быть доступно и тяжело раненому идиоту. А вот технического решения этой задачи я себе не представляю, – Мурзик на минуту впал в задумчивость, потом продолжил: – Впрочем, думаю, сначала надо найти рубку, а на месте мы уже как-нибудь разберёмся. Логика ещё никогда меня не подводила.

Рубку они нашли минут через двадцать. Это было небольшое помещение с клейкими матовыми стенами и безо всяких признаков аппаратуры. Однако, как только хрононавты вошли внутрь, стены рубки почернели, и на них загорелись пронзительные яркие точки – звёздная карта, соответствующая плейстоцену. В целом она соответствовала современным навигационным логиям, геологическая эпоха – это практически ничто с точки зрения вселенной. Однако Константин сразу заметил некоторые отличия, во многом благодаря тому, что он знал что искать. Три звезды, свет от сверхновой вспышки которых дошёл до Земли в промежутке между плейстоценом и XXIII веком от Рождества Христова, безмятежно горели на карте.

– Полагаю, чтобы отправить корабль в путешествие, надо просто ткнуть пальцем в соответствующую звезду, – предположил Фёдор Игнатьевич. – Давайте попробуем?

– Мы не знаем скорости этого корабля, – возразил Константин. – Даже если на путешествие к Альфе Центавра у нас уйдёт всего две недели, мы окажемся в системе Центавра вре-

мён плейстоцена. Вряд ли этот корабль оборудован собственной машиной времени, так что вернуться в настоящее мы можем только при помощи «Диптиха». Было бы безрассудно от него удаляться.

– Позволь не согласиться, – с чеширской улыбкой сообщил Мурзик. – Две недели до Альфы Центавра ты будешь лететь на земных лоханках XXIII века. Это всё, что вы, люди, смогли выжать из двигателя Чеснокова. Здесь же, как видишь, принципиально иная технология. Держу пари на собственный хвост, что полёт до Альфы Центавра и обратно на этом корабле займёт не более двух часов. И, разумеется, никаких перегрузок – разгоняться мы будем в эфире Чеснокова.

– Инга? – Константин перевёл взгляд на девушку, чья интуиция неоднократно выручала экипаж «Диптиха» в настоящем и, по идее, должна была застраховать их от неприятных сюрпризов и в прошлом.

– Мне кажется, Мурзик прав. Здесь должны быть принципиально другие скорости. Боюсь ошибиться, но я бы сказала, что этот корабль делает возможными межгалактические перелёты за приемлемое время.

– Пробуем! – решительно произнёс Константин и ткнул пальцем в точку, соответствующую изображению Альфы Центавра.

Не произошло ровным счётом ничего.

– А, может, мы уже летим? – предположил Фёдор Игнатьевич.

– Нет, – хором ответили Константин и Инга. Константин при этом смотрел на многофункциональный коммуникатор, в том числе и определявший положение владельца в пространстве, а Инга – просто в глаза профессору.

Мурзик же просто фыркнул, не снисходя до реплики.

– Так, пробуем ещё раз, – Константин аккуратно ткнул пальцем в карту. – Мы хотим, чтобы корабль летел вот к этой звезде.

Реакции опять не последовало.

– Не подскажете, как называют люди этот метод научного поиска? – в голосе Мурзика был слышен тщательно синтезированный сарказм.

– Метод проб и ошибок, – ответил Константин.

– А мне показалось, что это называется «дурью маяться», – сообщил кот.

– Мы обязаны попробовать все возможные варианты, – заступился за капитана Фёдор Игнатьевич. – Если нам удастся поднять этот корабль, это будет величайшим достижением человечества.

Мурзик отчётливо фыркнул, но промолчал. Какая-то мысль кружила на периферии сознания Инги, но никак не давалась девушке.

На протяжении следующего часа экипаж «Диптиха» безуспешно пытался активировать звездолёт, который, в свою очередь, всячески сопротивлялся усилиям исследователей.

– Отбой, – сообщил Константин. – Полагаю, у нас ещё есть время, никуда этот звездолёт не денется. Утро вечера мудренее.

На обратном пути хрононавты увидели неясную тень, мелькнувшую в одном из боковых проходов.

– Мне показалось, или это питекантроп? – спросила Инга.

– Похоже на то, – ответил палеоисторик. – Неужели питекантропы способны пройти тест Тьюринга?

– Всё гораздо проще, чем вы можете себе вообразить, драгоценный профессор, – сообщил Мурзик. – Мы просто не закрыли за собой дверь.

В пещере, ведущей внутрь великой-скалы-шаманов-о-которой-рассказывают-легенды, жили духи. Только так Грбыр мог объяснить свечение-похожее-на-первую-зарю, исходящее

из стен. Неслышно следуя за уродливыми-существом-шаманами-в-грубых-икурах-без-меха, Грбыр впервые в жизни ощутил страх перед духами. Скорчившись в дальнем углу, он наблюдал, как шаманы камлают, тыкая белыми кривыми пальцами в горящие на стене искры. Что-то у них не получалось, потому-то камлание сменилось вялым переругиванием, после которого уродливые-существом-шаманы-в-грубых-икурах-без-меха развернулись и пошли обратно. Грбыр едва успел спрятаться в боковом проходе. Когда чужаки скрылись из виду, Грбыр проследовал в большую пещеру с горящими на стенах искрами. Шаманы всех известных Грбыру племён приходили в места-где-собираются-шаманы, чтобы просить для своего племени удачной охоты и здоровых детей. Грбыр подумал, что он тоже теперь шаман, раз попал вглубь великой-скалы-шаманов-о-которой-рассказывают-легенды. Он подошёл к стене и нараспев продекламировал «Я хочу много еды и много женщин, я хочу быть главой великого племени, о котором сложат легенды. Я хочу попасть туда, где меня ожидает моё племя. Я нарекаю это место «эдемом».

Хрононавты уже отошли от корабля чужих, когда тот легко, словно ничего не весил, поднялся в воздух и медленно, словно нехотя, растворился в ночном небе.

– Что случилось? – выдавил Фёдор Игнатьевич, ошеломлённо глядя в небеса.

– Полагаю, коллега, встреченный нами питекантроп смог разобраться с управлением звездолёта и улетел к одной из обозначенных на карте звёзд, – сообщил Мурзик упавшим голосом.

– Но как ему это удалось?

– Вначале было Слово, – вздохнула Инга, запоздало осознав происшедшее. – Нужно было просто вербально произнести название звезды, куда мы хотим лететь, вместо того, чтобы как идиоты тыкать в него пальцами. И корабль отвёз бы нас туда, куда бы мы ни пожелали.

– Но откуда название звёзд знает питекантроп? – ошеломлённо спросил Константин.

– Он его не знает. Он его придумал, – ответила Инга.

По эту сторону Стикса

*Смерть – это наши силы,
это наш труд и пот.
Смерть – это наши жилы,
наша душа и плоть.
Мы больше на холм не выйдем,
в наших домах огни.
Это не мы их не видим –
нас не видят они.*

Иосиф Бродский

1

Звёзды впрыгивали в объемлющую черноту пространства. Это напоминало субсветовую сварку, когда шальные фотоны вылетают из накопителя и, вспыхивая, отпечатываются на сетчатке. Если резко встряхнуть головой, точки превращались в тоненькие полоски. Космос жил своей жизнью. Было время, когда люди не понимали, что космос – лучший друг человека. Пустота пугала древних, отнимала у них силы, вытягивала энергию. А потом человек научился жить в пространстве. И стал свободен.

Пётр улыбнулся и перевёл взгляд на огромную тушу корабля, визуально казавшуюся больше планеты. Петру нравилась эта картина, нравилось ощущать себя одним из элементов этого величия. Транспорт галактического класса «Евразия» сам по себе не был маленьким – с поверхности планеты он выглядел крупнее звёзд первой величины. Но сейчас, когда Пётр скользил по мононити от ближайшей точки Ла-Гранджа, транспорт казался титаническим китом, попавшим в паутину космических лифтов. Внутренняя подсветка мононитей слабо мерцала на фоне бесконечного космоса. Когда три четверти пути были позади, Пётр переключил ложе на торможение. Слегка тряхнуло. Более опытные товарищи зачастую начинали торможение на четырёх пятых, но Пётр не любил выпендриваться. Лишние полчаса ничего не решат, а головная боль после перегрузки бывает всегда. Когда туша «Евразии» ударила Поля по ногам, он легко спрыгнул с ложа и шустро выскочил за красный круг, обозначающий начало мононити.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.